

Знакомый, который на общественных началах уже долго руководит садово-огородным обществом, как-то рассказал о незнакомых до сих пор ему черных птицах размером с курицу, которые этим летом обосновались на заброшенных дачных участках в окрестностях Академгородка. Это оказались тетерева.

По-русски эта птица называется тетерев-косач, т. к. крайние перья хвоста у взрослого самца похожи на «косички» давно не стриженного брюнета. А весь хвост, благодаря «косичкам», похож по форме на старинный музыкальный инструмент — лиру. По-латыни родовое название тетеревов так и звучит: «лирурус». В Германии же тетерева называют «биркхаан», т. е. «березовый петух», поскольку большую часть года эти птицы обитают среди берез и кормятся в основном их сережками. Лишь в отдельные зимы, когда на сережки неурожай, тетерева переходят на другой, еще более грубый корм — озимые шишечки сосны.

Для перетирания огромного количества такого корма тетеревам еще с осени необходимо запасти в мускульном отделе желудка достаточно камешков и гальки. С этим в лесостепи, как правило, у них проблемы. Приходится подлетать к щебенке на обочинах шоссе, рискуя быть сбитыми автомобилями или выстрелами. Низкая калорийность сережек и шишечек и короткий световой день вынуждают тетеревов морозным днем быстро-быстро набивать зоб, пока не стемнело, мерзлым кормом, рискуя заморозить им всё тело. В ходе естественного отбора у тетеревов выработалась важная адаптация к таким экстремальным условиям существования, а именно: способность прятаться от холода в снежной норе, которую птица каждый вечер копает для себя заново. Прodelывая ход под снегом длиной до метра и прилагая для этого немалые усилия, тетерев заодно разогревает застывшие было от набитого мерзлым кормом зоба грудные мышцы, согревается сам и, надо думать, умиротворенно засыпает под слоем снега. Поземка быстро замечает следы и делает невидимым вход в снежную нору, словно никого живого давно здесь и не было.

Если морозным утром еще до рассвета, проходя по лесу на лыжах, невзначай наступишь на место ночевки тетеревов, затем трудно бывает успокоить сердцебиение от неожиданности: большие сильные птицы внезапно «взрывают» снежную гладь и, порой ударяясь сначала о лыжи, а затем о ветки деревьев, с квохтаньем стремительно улетают прочь... Лишь самый хладнокровный охотник успевает открыть по ним стрельбу навскидку, т. е. не целясь.

В хорошо охраняемых заказниках в пределах зрелых сосновых боров в окрестностях города имеются места, где издавна обитают самые большие птицы из семейства тетеревиных — глухари. Зимой их основной корм — сосновая хвоя, которая при заглатывании и наполнении зоба отнимает у птиц не столько много тепла, как сережки или шишечки у тетеревов. Поэтому в снегу ночуют только глухарки, да и то не всегда, а только разве что в сильные морозы, если к тому же позволяет глубина снежного покрова. Сами взрослые глухари, обладая повышенной способностью сохранять тепло, благодаря внушительной массе тела до семи килограммов, что в 2–3 раза больше, чем у самок, избегают зимой покидать кроны высоких сосен, где и ночуют. Уже в марте, задолго до таяния снега, глухари концентрируются вблизи токовищ, где в апреле или начале мая становятся довольно легкой добычей «элитных» охотников, получающих право на такую охоту, обычно, за особые заслуги перед лицами, распределяющими лицензии.

Вспоминается визит одного из таких «деятелей» на биостанцию, гордостью сотрудников которой служат несколько красавцев-глухарей, выращенных здесь из инкубированных кладок. Этот пожилой господин не нашел тогда более «подходящего» места, чтобы похвалиться перед сотрудницами, лелеющими пернатых великанов в вольерах, тем, что подстрелил на токах не менее 90 таких красавцев... Ведь его в счет особых «заслуг перед охраной животного мира» регулярно запускали на глухариные тока для стрельбы не только в заказники, но и в святая святых, заповедники. Нашим местным любителям стрельбы на глухариных токах надо поставить в укор и их бездействие в связи с пожарами в сосновых борах, их призывы разрешать отстрел птиц без ограничений якобы для борьбы с угрозой птичьего гриппа, а также их публичное согласие с

обширными рубками сосняков в окрестностях Новосибирска. Что ж, на их век хватит, а что будет после — их, похоже, мало волнует...

Алексей Яновский, орнитолог

vn.ru